

**Н. А. Криничная**

**ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОСНОВА  
ПРЕДАНИЙ О «ЗАЧАРОВАННЫХ КЛАДАХ»**

(ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКИХ СЕВЕРНЫХ ПРЕДАНИЙ)

В составе цикла преданий о кладах<sup>1</sup> могут быть определены, на наш взгляд, четыре структурно-хронологических разновидности: 1) предания о так называемых «зачарованных кладах»; 2) предания о «кладах» — ценных вещах из погребального инвентаря; 3) предания о кладах, порожденные социально-утопическими иллюзиями крестьянства, в силу которых обретение клада расценивается как один из возможных способов избавления от нужды<sup>2</sup>; 4) предания о кладах реальных, имеющих утилитарное назначение.

Указанный цикл в совокупности имеет свою историю изучения.

Ему посвящено несколько небольших работ, которые заключают в себе преимущественно изложение фактического материала и в определенной степени содержат элементы синхронного изучения преданий о кладах<sup>3</sup>.

В монографии В. К. Соколовой «Русские исторические предания» дается чрезвычайно интересная характеристика основных разновидностей и сюжетного состава преданий и быличек о кладах, причем эта характеристика дается на основе широкого сравнительного материала<sup>4</sup>; вопрос же о генезисе той или иной разновидности преданий о кладах в названной работе не поднимается.

Цель нашей статьи — наметить (хотя бы в общих чертах) пути диахронного исследования одной из типологических разновидностей указанного цикла, а именно — преданий о «зачарованных кладах», причем в основу исследования положены тексты, которые составляют один из разделов в недавно подготовленном нами сборнике «Северные предания (Беломорско-Обонежский регион)» (имеются в виду предания Карелии и прилегающих к ней местностей).

Анализ интересующего нас типа преданий мы начнем с постановки вопроса: кем может быть положен так называемый «зачарованный

<sup>1</sup> Границы между преданиями и быличками о кладах зачастую носят условный характер, и отнесение этих произведений к конкретному жанру зависит от наличия или отсутствия в них достаточно ясно выраженной исторической основы.

<sup>2</sup> Характер этих представлений со всей полнотой раскрыт в труде К. В. Чистова «Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.» М., 1967.

<sup>3</sup> Н. Я. Аристов. Предания о кладах. — «Записки РГО по отделению этнографии», т. I. СПб., 1867, с. 709—739; В. Н. Витевский. Клады и кладоискание на Руси. Казань, 1893; Георгиевский. Взгляды народа на клады. — «Вологодские губернские ведомости», 1900, № 106; В. Смирнов. Клады, паны, разбойники. — «Труды Костромского научного общества по изучению местного края», вып. XXVI, 1921, с. 1—49; Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М. — Л., 1954.

<sup>4</sup> В. К. Соколова. Русские исторические предания. М., 1970, с. 188—209.

клад»? По мнению рассказчиков, подобного рода клад наиболее часто запрятывается «чудью» и «панами»<sup>5</sup>. В известной степени этот факт отмечают и П. С. Ефименко: «Начало кладов относят ко временам чуди»<sup>6</sup>, и В. В. Пименов: «Предания о страдающей чуди нередко контаминировались с преданиями о кладах»<sup>7</sup>.

Под «чудью» в русских преданиях обычно подразумевается дославянское население Севера. «Панами» же («панками») называют в народной исторической прозе первонасельников данной местности, иногда воспринимаемых как предки рассказчиков<sup>8</sup>. По утверждению И. Калинина, «паны — люди, чуждые русскому элементу»<sup>9</sup>; В. Смирнов называет их «аборигенами края»<sup>10</sup>. Выясняя этническое содержание этого термина, В. В. Пименов приходит к выводу, что предания о «панах» «связаны с вепско-карельской и, быть может, мерянской культурными традициями»<sup>11</sup>. Как наблюдения предшественников, так и предпринятое нами параллельное рассмотрение структурно-тематических компонентов цикла преданий о «чуди» и цикла преданий о «панах» позволяют сделать вывод, что закрепившиеся в народном употреблении термины «чудь» и «паны» нередко оказываются совершенно тождественными друг другу и обозначают в совокупности древних аборигенов края, обобщенный образ которых в одинаковой степени архайзируется и гиперболизируется, а само повествование о них приобретает фантастический характер.

В отдельных случаях (если судить по преданиям Беломорско-Обонежского региона) запрятывание «зачарованных кладов» приписывается поляко-литовцам<sup>12</sup>, образ которых возникает в народно-исторической прозе в начале XVII в.<sup>13</sup>, и еще реже (в условиях Севера) — разбойникам<sup>14</sup>. Указание рассказчиков на принадлежность «зачарованных кладов» поляко-литовцам и разбойникам, по всей вероятности, носит не столько органический, сколько формальный характер. Дело в том, что сам термин «паны» с течением времени способствовал смешению совершенно различных понятий: «панами» в фольклоре позднее стали называться и польско-литовские интервенты, и помещики и даже разбойники. Однако в предании архаический образ первонасельника практически легко отличим от условно-конкретного образа поляко-литовцев, разбойников или помещиков. И все же возможность наслоения образов, одинаково называемых «панами», а также вероятность напластования более позднего образа на архаический и наоборот необходимо учитывать.

<sup>5</sup> «Олонецкие губернские ведомости» (в дальнейшем — ОГВ), 1860, № 21, с. 76; 1885, № 2, с. 11, 12; 1904, № 142, с. 3; Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1909, № 232(а), с. 501, 502; Архив Карельского филиала АН СССР (в дальнейшем — АКФ). При ссылках на архив первая цифра указывает номер коллекции, вторая — номер текста в ней), 8, № 87; 128, № 67; фонотека (при ссылках на фонотеку Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР первая цифра означает номер кассеты, вторая — номер записи в кассете): 1378/1; АКФ, 128, № 106.

<sup>6</sup> П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. I. Описание внешнего и внутреннего быта. М., 1877, с. 172.

<sup>7</sup> В. В. Пименов. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.—Л., 1965, с. 134.

<sup>8</sup> Г. И. Куликовский. Похоронные обряды Обонежского края.— «Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края», вып. III, Петрозаводск, 1894, с. 422.

<sup>9</sup> И. Калинин. Чудь и паны.— «Живая старина», 1913, вып. I—II, с. 144.

<sup>10</sup> В. Смирнов. Указ. раб., с. 28.

<sup>11</sup> В. В. Пименов. Указ. раб., с. 48.

<sup>12</sup> ОГВ, 1870, № 55, с. 601, 602; 1904, № 142, с. 3; 1905, № 59, с. 3; АКФ, 42, № 53.

<sup>13</sup> О фольклорном образе польско-литовских интервентов см. В. Г. Базанов. Народная словесность Карелии. Петрозаводск, 1947, с. 130—135.

<sup>14</sup> ОГВ, 1888, № 98, с. 971; АКФ, 128, № 17; фонотека: 1373/2.

Итак, предания, в которых «владельцами» клада названы поляковитовцы или разбойники, — явление более позднее по хронологии и вторичное по своему происхождению. Первичными же, на наш взгляд, следует считать предания о кладах, генетически связанные с представлениями о древних аборигенах края.

Можно предположить, что в преданиях Беломорско-Обонежского региона — и прежде всего в преданиях о «зачарованных кладах» — осуществилась исторически сложившаяся связь фольклора аборигенного (финноязычного) населения с фольклором пришедших на север славян. Творческое освоение фольклора аборигенов славянами могло начаться с момента их первых контактов — в IX—X вв.

Не случайно архаический мотив соотношения «зачарованных кладов» с деятельностью аборигенов края сохранился в преданиях лишь тех регионов, которые сложились относительно недавно; как правило там, где не утрачены сами представления о древних первонаселенниках местности.

Рассмотрев вопрос — кем может быть положен клад, мы обращаемся к вопросу о местонахождении кладов.

По словам рассказчиков, клад часто оказывается зарытым под сосной<sup>15</sup> (находки кладов под корнями или пнями старых деревьев засвидетельствованы и в археологической литературе<sup>16</sup>). Этой сосне в предании дается ряд устойчивых определений. Так, например, указывается ее рост — высокая, огромная; объем — толстая, «трое взрослых людей едва могли ее охватить»; возраст — «старая, долго она стояла», «старое сухое дерево», «стоит уж не один век засохшая теперь сосна»; местонахождение — одиноко стояла, стояла на горе; отличительные признаки — красная, с дуплом; чудесные свойства — «дерево это (сосну) пытались срубить, но труд был напрасен, потому что топоры не могли взять его и тотчас ломались» или «и рубить эту сосну нельзя было — искры от топора летели»; восприятие подобной сосны местными жителями — «...клад находится.. под сосной, называемой Никольской (название сосна получила от явившейся на ней иконы Николая-чудотворца). Сосна эта считается священной, и никто из жителей не дерзает не только срубить ее, но даже сломать ветку; она громадной толщины (около полутора аршин в диаметре),верху двойная. Половина ее лет десять тому назад посохла, а года три тому назад, во время сильной бури, часть посохшей половины снесло ветром на землю. Упавшие сучья крестьянами старательно собраны и сложены в кучу у самой сосны»<sup>17</sup>.

В некоторых случаях аналогичную функцию несет на себе «одна из елок» или «старая береза (теперь ее уж нет)».

Исходя из всего сказанного, можно сделать вывод, что в преданиях имеется в виду не обычное, а священное дерево. Поклонение деревьям является рудиментом системы языческих верований в эпоху средневековья. И с этими деревьями, как мы можем предположить, связано представление о местонахождении «зачарованных кладов».

Не менее распространенным является и указание на местонахождение кладов под камнем<sup>18</sup> (подобные сведения подтверждаются и археологическими материалами)<sup>19</sup>. Такой камень, судя по преданиям, также необычен и имеет особые отличительные признаки: например, «на камне... знак гусиной лапы» (вырезана лапа гуся) или «выбиты на них

<sup>15</sup> ОГВ, 1860, № 21, с. 76; 1887, № 97, с. 916; 1888, № 98, с. 971; АКФ, 128, № 67, № 106; 134, № 136; фонотека: 1626/1, 1378/1.

<sup>16</sup> Г. Ф. Корзухина. Указ. раб., с. 13.

<sup>17</sup> ОГВ, 1888, № 98, с. 971.

<sup>18</sup> «Русский филологический вестник», т. XIII, № 1, 1885, с. 58—60; ОГВ, 1904, № 142, с. 3; 1905, № 59, с. 3; АКФ, 128, № 17; фонотека: 1373/2.

<sup>19</sup> Г. Ф. Корзухина. Указ. раб., с. 86.

петухи — один на одного глядит». (Эти изобразительные мотивы — возможно, родовые знаки собственности — осмысливаются как сакральные и в древнейших формах народного прикладного искусства Севера.)

Материалы показывают, что такими же функциями, какими обладает в преданиях о «зачарованных кладах» камень, рассказчики нередко наделяют и гору.

Если учесть, что рудименты культа камней этнографами засвидетельствованы еще в начале XX в., то природа представлений о необычных камнях (или горах) в известной мере обнаруживается: камень и дерево по отношению к кладу рассматриваемой разновидности функционально тождественны — это в некотором роде хранители клада, его обереги.

Местом нахождения кладов, по мнению рассказчиков, зачастую могут быть и реки, ручьи, озера, пруды, омуты, заливы, колодцы, болота<sup>20</sup>; клады часто оказываются погруженными в них<sup>21</sup>: «Деньги или, точнее, кошель с золотом, спущен в Ригон-реке, в трех верстах от селения Койкинец, основателем его паном Койкой...»<sup>22</sup>. «На правом берегу реки Волошки есть небольшой залив, называемый Мутихой. И в Мутихе чудью схоронен клад — затоплена лодка с металлами...»<sup>23</sup>.

Так же как и предшествующие мотивы, данный мотив — погружение клада в воду — известен фольклору самых разных народов. Например, в «Песне о Нибелунгах» мы находим:

«Тем временем взял Гаген скорей несметный клад  
И погрузил у Лоха в Рейн весь...»

По всей вероятности, и воду мы можем причислить к таким уже функционально определенным нами объектам, как дерево и камень.

По материалам преданий можно заметить, что не всегда «зачарованный клад» охраняется лишь одним берегом (деревом, камнем, горой или водой). Нередки случаи, когда подобный клад имеет два или три берега одновременно: например, воду и дерево («Подъте,— говорят,— в болото в Лунево: там под соснами,— говорят,— колокол у нас обран с деньгами»<sup>24</sup>) или воду, вал (гору) и камень («Пониже топи есть земляной вал, в концах вала лежат по камню серых, под теми камнями по кубу денег серебряных»<sup>25</sup>) и т. д.

В итоге кажущееся многообразие так называемых берегов, охраняющих клад, фактически сводится к функциональному единообразию: место, где лежит «зачарованный клад», уже само по себе является «священным» и служит культовым объектом.

С усилением христианизации местонахождение клада стало приурочиваться в преданиях к церквям<sup>26</sup>, которые зачастую и воздвигались на месте древних языческих святилищ.

Что же представляет собой клад и в каких формах и образах он появляется?

По словам рассказчиков, клад, как правило, состоит из золота и серебра. Однако в своем натуральном виде «зачарованный клад», за редким исключением, на поверхности земли не показывается; явление

<sup>20</sup> ОГВ, 1863, № 40, с. 154; 1870, № 55, с. 601, 602; 1885, № 2, с. 12; 1885, № 67, с. 603; 1898, № 37, с. 2; 1904, № 142, с. 3; 1905, № 59, с. 3; «Памятная книжка Олонецкой губернии». Петрозаводск, 1867, ч. III, с. 121; АКФ, 128, № 67; фонотека: 1378/1.

<sup>21</sup> Судя по многочисленным археологическим находкам, клады IX—XIII вв. очень часто оказывались зарытыми на берегах рек или в междуречьях (Г. Ф. Корзухина. Указ. раб., с. 80, 81, 90, 93, 96, 99, 103, 105 и др.).

<sup>22</sup> ОГВ, 1904, № 142, с. 3.

<sup>23</sup> ОГВ, 1898, № 37, с. 2.

<sup>24</sup> АКФ, 128, № 67; фонотека: 1378/1. Вариант: АКФ, 128, № 108.

<sup>25</sup> ОГВ, 1905, № 59, с. 3.

<sup>26</sup> Многочисленные факты нахождения кладов на территории близ церкви отмечены и в археологических источниках (см. Г. Ф. Корзухина. Указ. раб., с. 108 и др.).

сокровищ происходит в виде огня<sup>27</sup> или зооморфного<sup>28</sup>, антропоморфного<sup>29</sup> образа. Животные и птицы, в облике которых клад обнаруживает свое присутствие, как правило, наделяются в преданиях и быличках необычайными внешними признаками. Так, например, клад может «прогуливаться» у места своего хранения в образе белого коня; белого или красного быка; белой коровы; седого теленка; серебряной козы; золотого барана; свиньи «в церковном облачении» или в виде утки, петуха, кукушки и т. д.: «Шла старушка одна из байны, и впереди ее бежит курушка, и вся такая золотыма копеечками»<sup>30</sup>. Судя по преданиям и быличкам, цвет животного или птицы (преимущественно домашних) соответствует цвету зарытого сокровища.

И здесь, несмотря на кажущееся многообразие, прослеживается, по всей вероятности, лишь одна-единственная закономерность: клад может принимать облик тех животных и птиц, которые считались священными и приносились в жертву языческим божествам. Не случайно в исследовании В. В. Иванова и В. Н. Топорова названы в основном те же животные в качестве приносимых в жертву<sup>31</sup>. Общеизвестно, что священным считался и огонь.

При рассмотрении форм персонификации клада напрашивается вопрос: не появляются ли клад в виде того животного или птицы, которые были принесены в жертву при его закапывании? Имеющиеся разрозненные этнографические сведения<sup>32</sup> не дают пока достаточных оснований для однозначного решения поставленного вопроса и нуждаются в дальнейшем накоплении. Однако имеется большой фольклорный материал, указывающий на обязательность жертвоприношений (не всегда животных, иногда и людей<sup>33</sup>), а также на необходимость произнесения заговора («зарока», «заклятия») при зарытии клада; этот заговор порожден верой в магическую силу слова: «Заговор владельца клада — обстоятельство, совершенно непобедимое никакими силами»<sup>34</sup>. В связи с изложенным выше можно предполагать, что при закапывании клада совершался обряд, в состав которого входили как «зарок» — заговор, так и жертвоприношение.

Итак, судя по первоначальной принадлежности клада, по ритуалу его захоронения, по местонахождению, то тем формам и образам, которые он принимает, мы вправе ожидать, что и характер самого клада, его назначение должны находиться в русле определенных языческих представлений.

Разгадка сущности клада в известной мере содержится иногда непосредственно в преданиях: «Каждою весною приносит водою на дорогу маленькие, продолговатые, серебряные монеты, которые иные *счастливы* находят и хранят у себя для *счастья*»<sup>35</sup> (курсив наш — Н. К.).

Фольклорные сообщения о назначении кладов дополняются этнографическими материалами. Факты закладывания золотых и серебря-

<sup>27</sup> ОГВ, 1860, № 21, с. 76; 1863, № 40, с. 154; 1870, № 55, с. 601, 602; 1888, № 98, с. 971; 1905, № 21, с. 3; АКФ, 128, № 17, № 106; фонотека; 1373/2.

<sup>28</sup> ОГВ, 1860, № 21, с. 76; 1899, № 77, с. 3; В. Смирнов. Указ. раб., с. 4—7.

<sup>29</sup> ОГВ, 1860, № 21, с. 76; 1905, № 21, с. 3; «Север», СПб., 1894, № 8, стб. 421, 422.

<sup>30</sup> АКФ, 128, № 46.

<sup>31</sup> В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 64, 65.

<sup>32</sup> С. И. Г. Домашняя беседа священника с прихожанами о так называемых кладах. — «Руководство для сельских пастырей», 1866; № 25, с. 308; В. Смирнов. Указ. раб., с. 7.

<sup>33</sup> Н. Я. Аристов. Указ. раб., с. 721.

<sup>34</sup> Там же, с. 725.

<sup>35</sup> ОГВ, 1870, № 55, с. 601, 602.



ных монет (а случалось, и медных) под «красный» угол дома при его постройке зафиксированы в плотницких обычаях и обрядах: деньги клали для того, чтобы в доме не переводились счастье и богатство.

И наконец, имеются документальные свидетельства, оказавшиеся в поле зрения историков, из которых выясняется совершенно особая роль золота и серебра в эпоху средневековья. Так, А. Я. Гуревич, специально исследовавший данный вопрос, констатирует, что в эпоху средневековья золото и серебро еще не имело широкого применения в товарно-денежных отношениях. Сокровища в представлении людей той эпохи обладали сакраментальной силой, в них материализовались счастье и успех их обладателей. Вот почему богатства запрыгивались навсегда, так, чтобы никто не мог ими воспользоваться, иначе их владелец мог лишиться не только магической силы и поддержки, но даже жизни<sup>36</sup>.

Сакраментальный характер сокровищ раскрывается и в воззрениях византийцев, для которых «золото было... образом света как истины и славы и через это образом божественных энергий, действующих в веществе»<sup>37</sup>.

В свете изложенных представлений сущность «зачарованного клада» обнаруживается со всей очевидностью: это клад магический, клад сакральный. Он кладется навсегда, и сохранность его обеспечивается жертвоприношением, заговором и отдачей под защиту культового объекта. Отсюда становится понятным устойчивый для преданий указанной разновидности мотив не дающегося в руки клада, какие бы попытки взять его ни предпринимались со стороны кладоискателей. В том случае, когда кладом все же овладевают, он, судя по архаическим, неразрушенным преданиям, приводит или к гибели кладоискателя, или гибнет сам: становясь «падшим», золото превращается во всякого рода «неблагородное вещество»<sup>38</sup>.

Овладение же кладом как несметным богатством, изображаемое рассказчиком в некоторых преданиях,— в значительной мере факт разрушения традиционных представлений о кладе и связанных с ним верований и запретов. Это разрушение обусловлено прежде всего усилением товарно-денежных отношений, когда сокровища приобретают уже не магическое, а самое что ни на есть утилитарное назначение.

Трансформация образа клада происходит и в связи с усилением христианства. Клад, так же как и другие атрибуты язычества, подвергается своего рода дискредитации, которая ведется в первую очередь по линии снижения образов хранителя клада. Если в архаических преданиях подобную функцию выполняют непременно дерево, вода, камень, то в житийной литературе, например в «Чтении о Борисе и Глебе» (XI в.), в этой же роли оказывается дьявол: «Аще бо или сребро или злато скровено будеть под землею, то мнози видять огнь горящ на том месте, то и то же дьяволу показующю сребролюбивых ради»<sup>39</sup>. В «Патерике Киево-Печерского монастыря» клад также изображается как средство бесовских козней, которые приводят к разжиганию алчности киевского князя Мстислава и гибели монаха Федора, знавшего от беса, где спрятан этот клад<sup>40</sup>. Аналогичный мотив, данный в подобной же интерпретации, прослеживается и в житии Авраамия Ростовского<sup>41</sup>.

<sup>36</sup> А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 197—199.

<sup>37</sup> С. С. Аверинцев. Золото в системе символов ранневизантийской культуры.— «Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура». Сб. статей в честь В. Н. Лазарева. М., 1973, с. 51.

<sup>38</sup> С. С. Аверинцев. Указ. раб., с. 50.

<sup>39</sup> Д. И. Абрамович. Жития святых мучеников Бориса и Глеба. Пг., 1916, с. 16.

<sup>40</sup> «Патерик Киево-Печерского монастыря». СПб., 1911, с. 119, 215.

<sup>41</sup> Г. Кушелев-Безбородко. Памятники старинной русской литературы, вып. 1. СПб., 1860, с. 223.

Известная дискредитация клада, возникшая под влиянием церковной идеологии и житийной литературы, наблюдается и в поздних преданиях. Например: «...клад стерегут двенадцать чертей в виде солдат с ружьями...»; «...с ними (кладами) только греха наживешь, потому владеет ими нечистая сила»<sup>42</sup> и т. д. Все это факты трансформации атрибутов язычества под влиянием усилившейся христианизации.

Однако в позднейшей традиции преобладает тенденция переосмысления различного рода атрибутов язычества; в ней наблюдается известное стремление приспособить бывшие реликвии язычества к новым условиям, связанным с укоренением христианства. Не случайно поэтому, судя по более поздним преданиям и быличкам, клад закапывается близ церкви, часовни, погоста, о чем мы уже говорили выше, или «освящается» присутствием при нем иконы: «Разин положил на пчельнике под порогом в избушке клад и икону божией матери. Кто отыщет эту икону, тот отроет и клад, а кто станет рыть клад без этой иконы, тот тотчас же уснет»<sup>43</sup>.

Следовательно, в эпоху установления товарно-денежных отношений и усиления христианства архаический образ сакрального клада претерпевает значительные изменения: с одной стороны, он подвергается трансформации и эволюции с целью приспособления к новым условиям; с другой стороны, в силу этих новых условий он не может избежать известного разрушения своей субстанции.

В целом же указанный тип преданий сохраняет рудименты представлений о древних аборигенах края; с этими представлениями генетически связано и восприятие сокровищ как воплощения магической силы.

Таким образом, исследование преданий о «зачарованных кладах» пока лишь на русском материале (и прежде всего на материале северной народной исторической прозы) приводит нас к определенного рода гипотезе относительно историко-этнографических корней рассмотренного типа преданий. Наши предположения могут быть подкреплены посредством привлечения всей совокупности вариантов, принадлежащих не только русской, но и другим этническим традициям.

---

<sup>42</sup> Н. Я. Аристов. Указ. раб., с. 717, 719.

<sup>43</sup> В. Н. Витевский. Указ. раб., с. 6.